

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

М. К. Ферро

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗА СВЯТОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

1. Исходные положения и цель исследования

Наряду с неослабевающим интересом ученых ко времени правления Ольги¹, продолжают исследования книжной письменной традиции, посвященной ей, с целью анализа композиционных особенностей произведений и средств создания литературного образа княгини². Под литературным образом мы понимаем совокупность характеристик личности в том виде, в котором она предстает в литературе. В силу стандартизации и (или) интерполяции, свойственных агиографии и гимнографии, литературный образ может отличаться от личной биографии; однако, даже не обладая исторической ценностью в узком смысле, он играет важную роль в истории культуры, сохраняясь в коллективной памяти поколений и определяя образ исторического лица в восприятии людей (см.: [Garzaniti, Romoli; Lenhoff]).

Постепенно выяснилось, что при изучении повествовательной традиции, посвященной святой княгине, следует принимать во внимание тексты различной жанровой принадлежности, в том числе летописные, гимнографические и агиографические (см. п. 2). Недавние исследования, несмотря на различия в методологии и корпусе анализируемых источников (некоторые исследования основываются на единственном тексте, другие рассматривают несколько текстов в сравнительной перспективе), свидетельствуют о том, что, начиная с самых древних произведений о жизни княгини или в ее честь, биографические данные сплетаются с мотивами иной природы, обусловленными временем написания текстов, современным культурным контекстом, литературным жанром, стилем автора (если он известен).

В связи с этим мы полагаем, что собрание хвалебно-биографических текстов, посвященных княгине, может рассматриваться как единый макротекст, в котором, благодаря литературному

¹ Библиография работ, посвященных Ольге, очень обширна. Среди основных направлений научного интереса упомянем те, которые исследуют происхождение Ольги, обстоятельства ее поездки в Константинополь в целях понять причины, в том числе политические, ее перехода в христианство в контексте дипломатических отношений Руси с граничащими с ней странами, установить точную дату крещения княгини и предполагаемую дату начала поклонения ей на Руси, а также последующей канонизации. Учитывая большое количество значимых работ по теме и невозможность указать их все, ограничимся теми, что были использованы при написании данной статьи.

² В этой связи необходимо отметить недавние исследования таких авторов, как Н. Н. Бедина [Бедина], И. Чекова [Чекова], Н. А. Малкова [Малкова], А. С. Усачев [Усачев, 2003; Усачев, 2009а; Усачев, 2009б], Э. Бжозовская [Brzozowska, 2010]. К фундаментальным исследованиям относятся также недавние статьи филологической направленности Е. А. Осокиной [Осокина], О. В. Светловой [Светлова, 2011; Светлова, 2013; Светлова, 2015], М. А. Федотовой [Федотова], А. А. Турилова и А. В., Чернецова [Турилов, Чернецов]. Эти статьи проливают свет на рукописную традицию различных источников, обнаруживают важные элементы, необходимые для воссоздания параболы эволюционного развития образа Ольги.

мастерству авторов-составителей, а также исходя из потребностей легитимировать суверенную власть в условиях различных исторических эпох, постепенно закрепляются мотивы, библейско-литургические цитаты и экспрессивные модули, создающие из жестокой наследницы Рюриков первую христианскую правительницу Руси, образец для подражания для великих князей и для московских царей.

Чтобы проверить нашу гипотезу и продемонстрировать ее достоверность, целесообразно исследовать отдельные произведения, контекстуализируя их в синхронном плане в культурно-исторической эпохе, которая их породила, с целью проследить затем в диахроническом и сопоставительном плане функциональное развитие житийных сведений, литературных форм и сверхтекстовых связей, служащих для описания облика княгини³.

В настоящей работе мы намереваемся выделить методологические основы исследования (см. п. 3) и показать некоторые наиболее значимые результаты предварительного сравнительного анализа источников (см. п. 4), которые побудили нас заняться этим вопросом.

2. Источники

Корпус рассматриваемых нами произведений включает в себя:

«Слово о том, како крестися Ольга», открывающее Киево-Печерский патерик в «Феодосьевской» редакции (далее – КПП);

Сказание о княгине Ольге, вошедшее в состав «Повести временных лет» под 945–969 г. (далее – ПВЛ);

Летописные тексты из Патриаршей (Никоновской) летописи под 6463–6477 г. (далее – ЛЕТ);

Проложное житие благоверной княгини Ольги в южнославянских списках (далее – Пролож.1);

Проложное житие благоверной княгини Ольги в севернославянских списках (далее – Пролож.2);

Проложное житие благоверной княгини Ольги в распространенной редакции (далее – Пролож.3);

«Преставление и похвала благоверной княгини Ольги» из «Памяти» мниха Иакова (далее – Пролож.4);

Сказание о княгине Ольге, вошедшее в состав «Степенной книги царского родословия» (далее – Сказание);

«Житие и усение святой преподобной великой княгини Российской Ольги» Дмитрия (Туптало), митрополита Ростовского (далее – Пространное житие);

Канон «на усение преподобных княгини Ольги, бабы Владимира» Кирилла Туровского (далее – Канон);

Служба на память княгини Ольги по старейшему списку (далее – Служба).

Исходя из соображений краткости, в настоящей статье не представляется возможным уделить достаточно внимания рукописной традиции (датировке, авторству, редакциям) отдельных источников. Мы предполагаем посвятить исчерпывающему анализу показательных элементов отдельных источников серию последующих статей. В настоящей работе мы сосредоточимся на толковании некоторых значимых отрывков произведений в указанной версии.

3. Методологические предпосылки

Мы считаем, что при анализе произведений необходимо учитывать некоторые аспекты, влияющие на все без исключения древнерусские творения в честь княгини Ольги.

³ Именно этому вопросу посвящены наши работы, анализирующие Канон Кирилла Туровского [Fegeo, 2017a], Проложные жития Ольги [Fegeo, 2017b] и рассказ об Ольге в Повести временных лет [Fegeo, в печати].

В исследуемых произведениях усматривается, хотя и в разной степени, в зависимости от времени составления и жанровой принадлежности, влияние агиографического канона, построенного по нарративной схеме с использованием формально-стилистических приемов описания биографии святых, унаследованной восточнославянской традицией от византийской⁴. В целях лучшего понимания эволюционного развития образа княгини в представлении древнерусских авторов кажется уместным выделить те характерные топосы, которые встречаются в описании образа Ольги, и установить, в какой именно временной период они появляются. Это верно и для мотивов, относящихся к богородичной типологии святости: как уже было показано нами в предыдущих работах, можно выделить дистинктивный профиль святой жены (богородичная типология), смоделированный по образу Матери Божией, который реализуется в образе «невесты Христовой»⁵. Благодаря повторениям в текстах, чествующих святых жен, отдельных пассажей, литературных форм, библейских цитат, образ «невесты Христовой» запечатлевается в памяти верующих, обуславливая дальнейшее закрепление в коллективной памяти определенной поведенческой модели, служащей основанием для создания социального типажа, который в социально-культурном контексте Руси можно распознать в «благоверной княгине» [Ferro, 2010, p. 147–149]: благородных кровей, но с еще более благородной душой, мудрая благовоительница, посвятившая себя заботе о христианском народе, поскольку она — суженая Царя небесного⁶. Как мы увидим в дальнейшем, повествование об Ольге со временем приобретает названные характеристики.

Агиографический типаж «благоверной княгини», насколько мы могли заметить⁷, является женским вариантом «добротного правителя», идеального царя, созданного по подобию образа Константина, первого христианского императора. Зародившаяся в атмосфере византийского общества, идея добротного правителя пронизывает всю литературную цивилизацию средневековой Европы, хотя и с некоторыми различиями на Востоке и на Западе и, как следствие, в *Slavia*

⁴ Агиографические произведения имеют следующую структуру: 1. Вводная часть, включающая заглавие, эпитет и имя святого, день памяти и иногда введение; 2. Основная часть / Биография, где приводится информация о родителях и родине святого, о его имени при постриге, о посвящении, о состоянии его семьи, о детстве, о внешнем виде, об обучении, об отношении к браку, об отношении родителей к призванию святого, о подвиге и благотворительных деяниях святого, о видениях, иногда об исторических событиях, о предсмертных наставлениях и (или) последней воле, о смерти, о чудесах; 3. Заключительная часть, то есть похвала и ходатайственная молитва (об агиографической схеме см.: [Лопарев; Mertel; Полякова; Лоевская]). Заметим, что наличие и полнота развития разных разделов в тексте зависят от длины и цели написания произведения. При этом, как показала Т. Р. Руди [Руди, 2001; 2003а; 2003б; 2003в; 2005; 2006; 2007; 2011], в каждом тексте эта базовая структура обогащается топосами, ссылками и мотивами, связанными с чином прославления святого.

⁵ В исследованиях о житиях подвижниц Древней Руси [Ferro, 2006; Ferro, 2010, p. 96–149] была предпринята попытка показать, как уподобление святой женщины Богоматери (большой частью на основе «Слова на Рождество св. Богородицы» и гимна Акафиста) оказывает значительное влияние на агиографические произведения, посвященные святым женам. Вследствие этого данные тексты отличаются от текстов, прославляющих мужчин, в плане композиционных способов и приемов, выбора лексики и отбора библейских ссылок. В частности, для женской агиографии общими являются семь тематических ядер: 1) богоизбранность; 2) богоугодная жизнь; 3) красота и свет; 4) труд и благотворительность; 5) видения; 6) хвалебные атрибуты; 7) духовный брак. О топике житий праведных жен см.: [Руди, 2001]. Об источниках составления богородичной типологии в византийской литературе см.: [Cunningham; Hannick]. О значимости понятия духовного брака в древнерусских житиях подвижниц см.: [Garzanti, 1998].

⁶ На основе литургической православной традиции выделяются следующие чины женской святости: монахини, мученицы, праведницы, мученицы-монахини и юродивые. В то же время агиографические и гимнографические произведения, посвященные подвижницам Древней Руси, описывают каждую святую женщину, используя соответствующий ее биографии набор эпитетов, атрибутов и библейских ссылок, позволяющий выделить другие хорошо узнаваемые группы: преподобные, святые матери и благоверные княгини (см.: [Ferro, 2010, p. 57–63]). Эта классификация не заменяет ту, что берет начало в литургической традиции, а обогащает и уточняет картину женской типологии святости на литературном уровне. Учитывая роль агиографической и гимнографической письменности в культуре Руси, становится очевидным, что она сильно повлияла на создание определенных социальных моделей поведения, особенно древнерусских женщин (см.: [Ferro, 2010, p. 147–149]).

⁷ См.: [Ferro, 2006; Ferro, 2010] и соответствующую библиографию. К этой же области исследований относятся работы А. С. Усачева (и библиография) об образе правителей в Степенной книге [Усачев, 2009а], а также Э. Бжозовской о восприятии на Руси образов Константина и Елены [Brzozowska, 2010; Brzozowska, 2013].

Orthodoxa и в Slavia Latina. В литературных памятниках Древней Руси она прослеживается начиная с XI в., и именно в отношении Владимира и Ольги: в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона Владимир называется «новым Константином» и отчетливо видна параллель между обращением и просветительской деятельностью византийского императора и его матери Елены и аналогичными деяниями Владимира и его бабки Ольги⁸. В последующие века влияние этой связи проявилось и в Московии. По этой причине при интерпретации литературного образа Ольги нельзя не учитывать художественные способы создания образа идеального правителя, присущие восточнославянскому миру в разные исторические эпохи⁹.

С литературно-филологической точки зрения толкование топосов и библейских цитат, присутствующих в изобилии в рассматриваемых произведениях и составляющих их концептуальный сюжет, на котором основываются модели как святости, так и верховной власти правителя, будет осуществлено в функциональной перспективе с учетом конфессионального характера культуры Slavia Orthodoxa и социальной значимости литургии, воспринятой этой культурой. Эта особенность обязывает обратить более пристальное внимание на смысл и релевантность топосных элементов (общие места, прямые и косвенные библейские цитаты, жанровые особенности) и при их наличии восстановить выполняемую ими функцию в рассматриваемом тексте, если возможно, то в том числе и по отношению к той роли, которую произведение (или сборник, его содержащий) приобретает в литургическом контексте, чтобы верно оценить значение и роль литературных моделей и экспрессивных модулей определенной эпохи¹⁰.

4. Сопоставительный анализ произведений

Обращение к истокам повествований об Ольге занимает умы ученых уже несколько десятилетий, но до сих пор существуют еще не решенные вопросы, касающиеся как датировки текстов, так и первоначальных сведений о княгине.

Считаем ли мы первичным источником утерянную древнюю повесть (см., например: [Серебрянский, т. I, с. 1–14]), или полагаем, что первые письменные свидетельства повествовательного характера, составленные на основе устных сказаний, встречаются в гимнографических произведениях (см., например: [Грихин]), — в любом случае, основное ядро дошедшей до нас исторической информации о княгине Ольге содержится сегодня в летописных повествованиях. Данные источники включают длинные исторические описания регентства княгини Ольги, мести древлянам, путешествия в Царьград, крещения, благословения и наставлений патриарха, возвращения княгини на родину и ее деятельности по распространению христианства на Руси, ее влияния на сына и внука, ее кончины. И все же, несмотря на жанровое несоответствие, в этих произведениях присутствует такая похвала княгине, которая обычно

⁸ «Онъ въ елинѣхъ и римлянѣхъ царство Богу покори, ты же — в Руси: уже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христос царемъ зовется. Онъ съ матерю своею Еленою крестъ от Иерусалима принесяша и по всему миру своему раславяша, въру утвердиста, ты же съ бабою твоею Ольгою принесяша крестъ от новаго Иерусалима, Константина града, и сего по всей земли своей поставивша, утвердиста въру» (СЗБ).

⁹ Тема изображения идеального правителя по образцу императора Константина, символов и знаков, передающих царское достоинство, а также литературные приемы, призванные оправдать и узаконить сакральность власти древнерусских князей, а впоследствии и московских царей, имеют богатую библиографию. Обзору темы восприятия фигуры Константина на Руси и в Московии посвящены работа [Garzanti, 2013] и указанная там библиография. В числе исследований по теме следует указать также работы [Плюханова (в частности, с. 113–123); Pliuchanova, 2004; Pliuchanova, 2013; Успенский, 1998; Успенский, 2000] и соответствующую библиографию. В последние годы данной темой с уделением особого внимания фигуре Ольги занимались Э. Бжозовская [Brzozowska, 2010; Brzozowska, 2013], А. С. Усачев [Усачев, 2003; 2004; 2007; 2009а; 2009б]. Об особенностях и достоинствах идеального христианского правителя см. также: [Кусков; Свердлов; Ферго, 2010, р. 62–63].

¹⁰ О роли письменности, особенно литургических произведений и библейских цитат в них, в культуре и менталитете Древней Руси см.: [Picchio; Гардзанини, 2008; Гардзанини, 2014; Garzanti, Romoli (в частности, р. 122–135); Naumow, 1995; Naumow, 2004; Запольская] и цитированную в указанных работах литературу.

встречается в конце агиографических текстов и в литургических гимнах, и включает большое количество стилистических и риторических мотивов, связывающих личность Ольги со св. Богородицей и с другими христианскими княгинями¹¹. Именно анализ подобного смешения элементов с соответствующей интерпретацией их функций и возможных причин их включения в повествование дает ключи к пониманию эволюции литературного образа Ольги. Со временем, в более поздних источниках, в частности в пространных житиях, повествование о княгине Ольге усваивает все типичные для житий структурные части.

4.1. Наличие/отсутствие вводной части

Основной функцией вводной части в агиографических текстах выступает характеризующая функция: дается характеристика исторического лица с указанием типологии его святости, имени, даты памяти, а также вводятся подходящие ему эпитеты и атрибуты.

Не вызывает удивления и тот факт, что в летописях, описывающих события в хронологическом порядке, вводная часть не предусматривается, но, тем не менее, Ольге адресованы разные эпитеты. Во всех проложных житиях, наоборот, находим заголовок с указанием не только эпитетов, но и дня памяти княгини (11 июля) и чина святости.

В летописных повествованиях и в сказании из Степенной книги Ольга названа «блаженной»¹², в Проложном житии в юго-славянских списках она именуется «святой царицей русской» и «праматерью всех царей русских»¹³; в Проложном житии в севернославянских списках Ольга называется не только «блаженной княгиней», но и «предтечей русской»¹⁴; в Проложном житии в распространенной редакции написано, что «святая блаженная великая княгиня Ольга» наречена в крещении «Еленой русской»¹⁵, а в «Преставлении и похвале благоверной княгини Ольги» из «Памяти» мниха Иакова приводится эпитет «благоверная княгиня»¹⁶.

Привлекают к себе внимание атрибуты «праматерь» и «предтеча», указывающие на роль Ольги в истории Руси и связывающие личность княгини с Евой, вероятно, под влиянием Канона Кирилла Туровского, в котором он дважды называет Ольгу «праматерью», утверждая таким образом ее отличие от «прародительницы» Евы¹⁷.

Вместе с тем эпитет «благоверная княгиня», как было сказано, определяет весьма значимую на Руси типологию святости и, воспринимаясь как женский эквивалент «доброего князя», усиливает здесь параллель с византийской императрицей Еленой.

¹¹ Об этом И. Чекова пишет: «Похвала представляет собой развернутый символ, отразивший христианский подход к идеализации Ольгиного лика в отличие от фольклорно-языческого возвеличения ее хитрости и жестокости в летописных статьях 945, 946 и частично под 955 г.» [Чекова, с. 92]. До сих пор остается невозможным установить была ли похвала дополнением, происходящим из литургических текстов, составленных в связи с установлением культа Ольги, или текстом, вдохновленным повествованием об Ольге, которое появляется в Киево-Печерском патерике и, начинаясь с сообщения о путешествии Ольги в Царьград, заканчивается похвалой княгине, очень схожей с той, что встречается в летописях. Связи между древнейшими текстами в честь Ольги и их взаимное влияние друг на друга, даже если они относятся к разным жанрам, заслуживают более пристального внимания. По этой теме см. гипотезу, выдвинутую В. А. Грихиным [Грихин, с. 66–67].

¹² ПВЛ. С. 111; ЛЕТ. С. 30, Сказание. С. 248. Цитаты приводятся в орфографии указанного издания. В цитатах из Канона, Службы и Пространного жития употребляется упрощенная орфография: титла раскрываются и выносные буквы вносятся в строку; «а йотированное» и «юс малый» передаются буквой «я», «омега» — буквой «о», «ук» — буквой «у», греческие буквы «кси», «пси», «фита», «ижица» заменены соответствующими им по звучанию буквами. Точную разницу между значениями слов «блаженный» и «святой», которые они имели в Древней Руси, установить непросто. С учетом сложности реконструкции четкого порядка оформления культа святых, а также свидетельств использования двух терминов в источниках две лексемы воспринимаются главным образом как синонимы. Разумеется, эти термины не маркировали последующие стадии канонизации, в отличие от их западных аналогов 'beato' и 'santo'.

¹³ Пролож.1. С. 6.

¹⁴ Пролож.2. С. 7.

¹⁵ Пролож.3. С. 8.

¹⁶ Пролож.4. С. 12.

¹⁷ См.: Канон. С. 88–89, 93 (подобно в Службе).

В Пространном житии Дмитрия Ростовского читаем: «святая праведная великая княгиня Ольга, нареченная во святом крещении Еленой, баба великого князя Владимира»¹⁸. Атрибут «праведная» напоминает хвалебные слова, размещенные в конце летописного рассказа, где летописец уподобляет Ольгу праведникам, которых в Библии Бог защищает от противника и дьявола и с которыми Он заключает союз¹⁹. По нашему мнению, выбор митрополита Ростовского обоснован желанием подчеркнуть справедливость княгини в отношении ее народа, являющуюся основной типологической чертой благоверных княгинь. Кирилл Туровский в заголовке Канона и Службы на память св. Ольги называет княгиню не только «бабой Владимира», но и «преподобной княгиней»²⁰, употребляя атрибут, используемый для определения аскетов и монахинь, и подтверждая мысль о том, что крещение Ольги является настоящим подвигом²¹.

Кроме того, сразу после заголовка в Пространном житии Дмитрия Ростовского содержится небольшое введение, которое помещает историю жизни Ольги в контекст истории всеобщего спасения: своим подвигом, то есть крещением, блаженная Ольга избавила Русь от тьмы язычества, просветив страну светом Христовым. Поэтому княгиню называют «денницей»²², употребляя связанную с теологией крещения метафору (см. п. 4.2.3).

4.2. Основная часть. Биография

Основной корпус агиографических текстов сообщает информацию историко-биографического характера и повествует о земной жизни, часто восполняя возникающие пробелы в сведениях или заменяя «неудобные» эпизоды правдоподобной информацией, продиктованной необходимостью политической (восхваление персонажа), религиозной (в связи с местной или вселенской канонизацией) или литературной (в целях соответствия текста агиографическому канону).

4.2.1. Информация о родителях и родине исторического лица

В летописных текстах Ольга упоминается в качестве жены Игоря или как «жена от Плескова»²³, без особых деталей о ее происхождении (как и в Проложном житии в севернославянских списках: «си блаженная олга родом бѣ плъсковитина»²⁴). Проложное житие в распространенной редакции добавляет точное имя родного места и сведения о родителях княгини («Ольга родися въ плесковской странѣ, въ вѣси зовомыя выбуто, отца имѣаше невѣрна соуци, также и мать некрещеноу от языка варяжска и от рода не от княжска, ни от велмож, но от простых бѣше человекъ»²⁵)²⁶. В «Преставлении и похвале благоверной княгини Ольги» из «Памяти» мниха Иакова встречается информация о том, что она была бабушкой князя Владимира²⁷. В Пространном житии Дмитрия Ростовского, вероятно с целью реабилитации образа св. княгини посредством характерных для житий элементов (здесь честность и справедливость родителей святого, см. Мф 7: 17–18; Лк 6: 43–44), Ольга становится «от рода нарочита», и мы узнаём, что «воспитася отроковица аще и во идолопоклонническомъ нечестии, обаче въ добромъ от честныхъ родителей наказании»²⁸.

¹⁸ Пространное житие. Л. 312 об.

¹⁹ См.: ПВЛ. С. 116.

²⁰ См.: Служба. С. 347; Канон. С. 88.

²¹ О значимости Канона в создании образа св. Ольги см.: [Бедина, с. 9–10; Ferro, 2017a].

²² Пространное житие. Л. 312 об: «Ольга блаженная аки денница въ земли Российстѣй, темную идолобѣсия ношцию помраченной бывшей, возсия пред настатиемъ пресвѣтлаго вѣры святыя дне, солнцемъ Христомъ просвѣщаемого».

²³ См., например: ПВЛ. С. 82.

²⁴ Пролож. 2. С. 7.

²⁵ Пролож. 3. С. 8–9.

²⁶ Об эволюции повествования о происхождении Ольги в русской книжности середины XVI в. см.: [Усачев, 2003].

²⁷ См.: Пролож. 4. С. 12.

²⁸ Пространное житие. Л. 312 об.

4.2.2. Информация о внешнем виде и о характере исторического лица

Проложное житие в распространенной редакции приводит также сведения о внешнем виде и о характере княгини: «образом бяше святая тиха и кротка и любима ко всѣм и мудра зѣло»²⁹; в «Преставлении и похвале благоверной княгини Ольги» читаем: «тѣломъ жена сущи, мужеску мудрость имѣющи»³⁰, в Сказании: «велми юна суши, доброзрачна же и мужествена... не юношески, но старческим смыслом поношая ему (Игору) глаголаше»³¹, а митрополит Ростовский пишет: «бяше бо зѣло цѣломудренна и прѣмудра... лицемъ зѣло прекрасна... нача къ нему не юношескимъ, но старческимъ умомъ, пресѣдая бесѣду его, глаголати»³². В более поздних произведениях, появившихся после XVI в., есть все основания воспринимать внешнюю красоту княгини Ольги как элемент, уподобляющий ее Богоматери: ведь в «Слове на Рождество св. Богородицы»³³ читаем после описания Ее внешнего вида, что Дева Мария «благодатию Божиею исполнена и красоты... тѣм же и призрѣ на ня Богъ»³⁴. Элемент красоты, которая в христианской и агиографической символике воспринимается как отражение внутренних добродетелей и честности, здесь сочетается с широко распространенными в средневековой европейской литературе³⁵ топосами «мужского разума» героини и *puer senex / puer maturior annis*³⁶. Разуму и мудрости Ольги уделено большое внимание в Каноне, где с самого начала гимна Ольга названа «богомудрой», «Христова ученица, агельскимъ учениемъ въспитана»³⁷.

4.2.3. Деятельность княгини Ольги

В проложных житиях исторические описательные части значительно сокращены (см. Пролож.2, 3 и 4) или совсем опущены (см. Пролож.1); эпизоды, касающиеся отношения Ольги к древлянам, обходятся молчанием. Для произведений данного типа характерно, что основное событие, в этом случае крещение княгини, описывается в самом начале текста. От него берут начало размышления о роли Ольги в истории Руси и хвалебные слова в честь княгини. Большое значение имеет здесь влияние Божией благодати на разум и деятельность Ольги, описанное посредством противопоставления «елинской прелести» и «елениной мудрости», мотивов мудрости и крепости княгини и метафор света: «сии блаженаа Ольга иже оставльши елиньскоую злоую прѣльсть отчю и въземши елениноу моудрость и мужескую крѣпость...», и дальше: «[Ольга] сияеть яко солнце, нь солнце многащи съкрываеть свѣтъ свой облакомъ заступающимъ; или рещи: яко луна ово егда растеть, ово егда же охудѣваеть нь ли приложити те къ лику звѣздному нь и въ тѣхъ погани чтуть яко Бога, отъ нея бо израстоше кнезы наши...»³⁸.

В Пролож.2 читаем, что блаженная Ольга «мудра сущи паче всѣх»³⁹. В тексте Пролож.4 свет Божий освещает Ольгу и вследствие этого она принимает крещение: «освящена бывши Божиею благодатию... просвѣщена св. Духомъ, разумѣвши Бога истиннаго... иде въ землю грѣческую во Царьградъ, идѣже цари христиан и крестьянство утвердися; и пришедши, проси

²⁹ Пролож.3. С. 9.

³⁰ Пролож.4. С. 12.

³¹ Сказание. С. 248.

³² Пространное житие. Л. 312 об.—313.

³³ Житие Матери Божией, написанное в XI—XII в. Елифаном, монахом монастыря Каллистрата в Иерусалиме, в переводе на славянский язык получило распространение только в конце XVI в. [Творогов]. Здесь ссылаемся на вторую редакцию текста, более близкую к греческому оригиналу (Patrologia Graeca. CXX. Стб. 185—216: Eriphanii monarchi et presbiteri Sermo de vita Sanctissimae Deiparae).

³⁴ СРБ. Стб. 366.

³⁵ Об этом см.: [Curtius].

³⁶ В отношении характеристики физических и особенно моральных качеств Ольги В. А. Грихин предлагает интересное прочтение смещения в самых древних источниках, в частности в летописях и в проложных житиях, фольклорных и языческих элементов [Грихин].

³⁷ Канон. С. 88. Это понятие и соответствующие ему выражения многократно повторяются в Службе.

³⁸ Пролож.1. С. 6.

³⁹ Пролож.2. С. 7.

крещения, и приимши св. крещение, возврати(ся) въ землю рускую, въ домъ свой, къ людемъ своимъ съ радостию великою освящена духомъ и тѣломъ, несущи знамена честнаго креста»⁴⁰.

В летописных текстах и в Сказании, наоборот, исторические сведения занимают больше места, но все же нельзя сказать, что это — чисто описательные отрывки. Ведь и в данных фрагментах видно намерение изобразить всю жизнь княгини в свете принятия ею христианства. Итак, в этих текстах особое внимание обращается на эпизод крещения Ольги во время ее путешествия в Царьград⁴¹, в рассказе о котором встречаются все связанные с крещением понятия и цитаты. В их число входят в основном мотивы и смыслы, относящиеся к символам таинства: омовение в купели (см. выражение «бани крещения» в Службе, с. 350), обозначающее освобождение от греха и от язычников, одевание, то есть принятие новой жизни, и освещение ума и деятельности под воздействием веры Христовой. Ссылки на жизнь, обновленную Святым Духом, и на отказ от греха и (или) от эллинской прелести часто передаются посредством метафор «новой одежды» (см. Рим 13: 12–14) и «отказа от ветхого человека / Адама» (см. Еф 4: 22 и 6: 11; Кол 3: 9). Например, в ПВЛ, под 969 г., читаем: «Си бо омыся святою купѣлю, съвлечеса грѣховныя одежда ветхаго челоуѣка Адама, и въ новыи Адамъ облѣчеса, еже есть Христось... яко възлюби свѣтъ, а тму остави. ...Си бысть предѣтекушия хрестыаньской земли, аки дѣньница пред солнцем и аки заря предъ свѣтомъ. Си бо сияше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтяшеса аки бисеръ въ калѣ: калнѣ бо бѣша грѣхом, не омовени святымъ крещением»⁴².

Особенно богата в этом контексте символика света/освещения: свет — Святой Дух (см. Деян 11: 16; Лк 3: 16; в Службе (С. 248) определение света дается еще точнее: свет — это «сила Св. Духа»), просвещающий Ольгу в истинной вере; свет — Бог, Которого Ольга возлюбила, но свет — и сама Ольга, которая после крещения просвещает свой народ. Выражения, связанные с семантической сферой света, встречаются часто, так как они, с одной стороны, отсылают нас к образу Христа, «Свету мира» (см. Ин 8: 12; 2Кор 4: 4–6) и «Солнцу правды» (см. Лк 1: 78–79, Пс 18: 5), а с другой стороны, напоминают атрибуты «денница» и «заря» и другие метафоры «светящих тел», которые автор Акафиста адресует Богородице. Итак, элемент света в посвященных Ольге произведениях играет большую роль: посредством атрибутов и метафор вводится идея уподобления Богородице и дается отсылка к теологии крещения, понимаемого вслед за святыми отцами как просвещение, где свет, то есть благодать Божия, умножает способности и просвещает разум княгини.

Текст Степенной книги отражает «стремление показать, что история Русского государства входила полноправной составной частью в исторический процесс цивилизованных христианских государств»⁴³; поэтому повествование обогащается авторскими вставками и деталями с целью обратить внимание на подвиг первой христианской русской княгини. Например, перед эпизодом крещения автор приводит беседу между византийским императором и княгиней, подчеркивая мысль о том, что Ольга ездила в Константинополь не по политическим причинам, а именно для того, чтобы сбылось ее желание получить крещение; кроме того, подчеркиваются мудрость и ловкость княгини в диалоге с императором: «Подвизаше бо ся от юности о целомудрии паче нежели о царствии Греческом. И тогда излися благодать во устнах ея еже вѣтйствовати таинство во Христа вѣры; и нача бесѣдовати к царем смиренномудреными глаголы...»⁴⁴.

⁴⁰ Пролож.4. С. 12–13 (подобно в: Пролож.3. С. 9).

⁴¹ О точном времени, реальных причинах и конкретных обстоятельствах путешествия Ольги в Царьград и ее крещения существует богатейшая литература. Среди самых значительных работ укажем: [Васильев; Острогорский; Пашуто; Ариньон; Obolensky; Порре, 1976; Порре, 1992; Литаврин 1981а; 1981б; 1982; 2001; Назаренко].

⁴² ПВЛ. С. 116.

⁴³ Комментарий к тексту «Сказание о княгине Ольге» (ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 596).

⁴⁴ Сказание. С. 262.

Потом, под 955 (6463) г., читаем: «И тако крестиша блаженную Олгу во имя Отца и Сына и святого Духа... И тако совлечеса всея грѣховныя одежды, отложши ветхаго челоуѣка и дѣла поганская, и облечеса в новаго Адама, еже есть во Христа, и тако просвѣщена бывши, тако породився водою и Духом сице добрым изменением изменися, и возрадовася душею и тѣлом радостию неизглаголанною, и бысть причастница и божественных тайн пречистаго и животворящаго тѣла и крови Христа бога нашего, и бывает вѣрное овча Христова стада»⁴⁵.

Канон в честь княгини содержит все перечисленные мотивы, и, что характерно для произведений данного жанра, они повторяются неоднократно, обогащая текст риторическими приемами и вводя новые образы, такие, например, как «пчела» и «голубица»⁴⁶: «Яко солнце возсия нам преславная память Ольги богомудрая, матере князей русских; ...възможе на кумиры, пачеже на диавола, силою Святаго Духа просвѣщаема, от тьмы неразумия всю страну люди къ Богу привела еси»⁴⁷; «Ревность грѣховную банею крещениа отинудь омыла еси и тлѣния скверну отвергши»; «Нынѣ, яко пчела добро разумива далече цвѣтущее, Христовы вѣры възыская породным крещением, в Царьстѣм градѣ обрѣтши, своему роду и людям предасть, его же вси насыщени, горести грѣха отбѣгаем»⁴⁸; «Яко голубице цѣломудренаа на финикѣ добродѣтели взыде, крилѣ крещением посребренѣ имуща, има же възлетѣвши в райстѣй пищи, въгнѣздила еси»⁴⁹.

В Пространном житии Дмитрия Ростовского сохраняется значительный отрывок, укрепляющий параллель с императрицей Еленой и рассказывающий о том, как Бог создал свой собственный инструмент для того, чтобы просветить Русскую землю: «благоизволи того просвѣщения начатки сотворити немощнымъ сосудомъ женскимъ, сею блаженною Ольгою, на посрамление моужей жестосердыхъ. Якоже бо прежде женами мироносицами воскресение свое проповѣда, и женою Еленою царицею честный... сице и потомъ въ земли российской дивною женою, новою Еленою, княгинею Ольгою, вѣру святую насадити изволи»⁵⁰.

Кроме того, в рассказе о беседе Ольги с византийским императором в тексте не просто подчеркивается хитрость княгини Ольги при отказе от брачного предложения императора, но вводится мотив духовного брака: «оуневѣшуся безсмертному царю небесному христу Богу, егоже всею душею моею возлюбихъ, яко да и царствия его вѣчнаго сподоблюся»⁵¹.

Духовный брак, являющийся ключевым понятием агиографической топики (см. об этом: [Garzaniti, 1998; Ferro, 2006; Ferro, 2010, p. 140–150]), можно считать еще одним элементом, приближающим княгиню Ольгу к типологии благоверных княгинь, которые после смерти мужа не венчались, а постригались сразу или при кончине, следуя идеалу чистого вдовства. Аналогичным образом описание деятельности княгини после возвращения на родину из Византии подчеркивает типичные черты доброй правительницы.

Как следует из примеров, данный элемент можно найти уже в проложных житиях, но в тексте митрополита Ростовского он получает дальнейшее развитие: «И потом (после крещения. — М. Ф.) ... поиде во слѣдъ Господа Бога всѣми добрыми дѣлы освѣтившися и милостынею украсившися, нагия одѣвающи, жадныя напояющи и жадныя (странныя) покоивающи и нищяя и вдовица и сироты вся милующи и потребу дающи всяку съ тихостию и любовию сердца, и молящи Бога день и ночь о спасении своемъ. И тако поживши добръ»⁵²; «оуправляше всѣми странами

⁴⁵ Там же. С. 264.

⁴⁶ Образ, присутствующий также в КПП.

⁴⁷ Канон. С. 88.

⁴⁸ Там же. С. 89.

⁴⁹ Там же. С. 90.

⁵⁰ Пространное житие. Л. 316.

⁵¹ Там же. Л. 316 об.

⁵² Пролож.4. С. 13. Более сокращенно в Пролож.2 (С. 8) и в Пролож.3 (С. 10).

российския державы... противу супостатовъ крѣпко ратующи, и бысть врагомъ страшна, своимъ же людемъ любима, яко добронравна и милостива, никогоже обидящая, соуды праведны творящая, наказания съ милосердиемъ налагающая, добрымъ воздающая почестъ, злымъ страхъ, комоуждо по дѣломъ и достоинству возмѣрующая, и во всѣхъ дѣлѣхъ и управленияхъ благосмотрелива и премудра, еще же нищыя и оубогия и скудныя ущедряющая... молении скоро слоушающая, и прошения праведная исполняющая, и вся дѣла ея... бяху угодна богу, и христианския благодати достойна»; Димитрій Ростовский подчеркивает, что «Ольга управляше всеми странами российския державы, не яко жена, но яко мужъ силенъ и разумень»⁵³.

Сведения о деятельности Ольги, особенно касательно ее заботы о церкви⁵⁴, встречаются и в Сказании, где подчеркивается, что Ольга «сим и учрежашеся тихостию и любовию от чиста сердца»⁵⁵. Кроме того, текст пополняется сведениями об учении русского народа в виде наставления Ольги-христианки своим людям: «О сынове рустии, послушайте мене, новопросвѣщенную, да разумно будет вам, яже о мнѣ сами вѣсте, яко вся лѣта моя во тмѣ невидѣния ижжих и не слышах ни отъ кого же истиннаго словеси божия, возвѣщающа путь вѣчнаго живота. Егда же от истинно вѣдущихъ услышах, и тогда благодать божия вселися в сердце мое и неблазненно разумѣх, яко во истинну нѣсть иного имени под солнцем развѣ Отца и Сына и святого Духа, в него же вѣровах и в него же крестихся, о нем же возвеселися сердце мое и возрадовася язык мой, еще же и вся чюствия плоти моя, и самый духъ мой. Кто убо не радуется, вѣруяй сущему богу, истинно со упованием разумѣвая, како дивно прославляет бог угодников своих не токмо в житии сем, но и по преставлении — многа чюдеса сотворяются от них и исцѣления различная истачают. От них же мнози во гробѣхъ лежаще, яко живы, и мощи их нетлѣнны пребывают до общаго всѣх воскресения, и тогда воставше в бесконечныя вѣки с богом царствовати имут. Сего ради молю вы, вѣруйте сущему богу, его же азъ познах. К сему приступите и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся»⁵⁶.

В этой связи деятельность Ольги в литургических текстах подчеркивается через противопоставление Ольги Еве:

Разума духовнаго, имъже посрамила е-
си въ раи прелстившаго еву;
сего оружиемъ сломльши, бгосажденни
раи церковнии създа. въ неиже древо
животное кртсъ вѣдружиися⁵⁷.

Кроме этого, в Службе указывается на два инструмента, которыми пользуется Ольга для воплощения в жизнь своего замысла обращения народа в христианство и образования Церкви: твердая рука и мудрые слова⁵⁸.

Такое внимание к чувству справедливости новой христианской княгини, несомненно, вызвано жанровой принадлежностью текста и желанием смягчить описание жестокой мести язычницы Ольги древлянам. Кроме того, тут важную роль играло и уподобление персонажа императрице Елене: крещением и христианским отношением к народу Ольга заслуживает имя «новой Елены». Она, по подобию византийской императрицы, становится благоверной княгиней, сопровождающей народ на его пути к вере.

⁵³ Пространное житие. Л. 315 об.

⁵⁴ Именно этот элемент, по мнению А. С. Усачева [Усачев, 2009а; Усачев, 2009б, с. 617–665], является основной чертой русских правителей в Степенной книге.

⁵⁵ Сказание. С. 280.

⁵⁶ Там же. С. 276.

⁵⁷ Служба. С. 348.

⁵⁸ Там же. С. 350.

Итак, благодаря крещению и наставлениям патриарха Ольга начинает новую жизнь; в ПВЛ вводится мысль о том, что вследствие этого обновления Ольга приобретает статус спасительницы и заступницы, так как она — «русское познание къ Богу, начатокъ примирению быхом... Си пѣрвое вниде въ царство небесное от Руси сию бо хвалять рустии сынове акы начальницю, ибо по смерти моляшеся къ Богу за Русь»⁵⁹. Поэтому «Благословена ты еси в руських князехъ, яко възлюби свѣтъ, а тму остави. Благословити тя имуть сынове рустии и въ послѣдний родъ внука твоихъ»⁶⁰, — пишет летописец, упоминая библейские тексты («Благословеной» в Библии называется Иудифь (Иудифь 13: 18) и в Евангелии Мария (Лк 1: 42)); похожее место встречается в Пространном житии⁶¹. В тексте Патриаршей (Никоновской) летописи, в основном повторяющем сказание ПВЛ, параллель с Богоматерью укрепляется, так как летописец пишет «благословена ти въ женахъ (а не “в князехъ”. — М. Ф.) Русскихъ»⁶², приближаясь к тексту Евангелия. Эта версия встречается и в Проложном житии в севернославянских списках⁶³, и в Сказании⁶⁴. Служба лишь усиливает значение деяний княгини, эксплицируя значение противопоставления Ольги Еве во всеобщей истории христианского спасения:

...како жена пре-
же бога позна, еюже исперва всему
роду падение быст. тою же ныне спа-
си въпием⁶⁵.

4.2.4. Видения и чудеса

В контексте трансформации повествования о княгине Ольге ключевое значение приобретают эпизод видения на реке Пскове и сведения о чудесах, введенные в текст позднее. Напомним, что элемент видения в агиографии является знаком особенных отношений между человеком и Богом и признаком богоизбранности⁶⁶; чудеса, в свою очередь, являются необходимым элементом для канонизации. Тогда неудивительно то, что оба сюжета появляются в литургических текстах⁶⁷.

Вернувшись на родину после крещения, Ольга объездила русские земли с целью евангелизации и водружения святых крестов. Подойдя к реке Пскове и увидев там блистающие лучи, княгиня пророчествовала о создании на том месте церкви и города.

«И прииде блаженная Олга близ реки, глаголемыя Великия, и бывши ей на конец реки Псковы, и ту бяше тогда великъ лѣс и многия дубравы, и на том мѣсте святая Олга чюдно и преславно видѣние видѣ: мѣсто оно прѣсвѣтлыми лучами осияваемо бѣ, яко от трисиятелного свѣта. Блаженная же Олга бѣ радующеся душею, удивляяся неизреченнаго свѣта блистанию, благодать богу воздая, яко таково обрадованно знамение предъявляше ей на увѣрение хотящая быти благодати просвѣщения земли Русстей. И пророчествуя глаголаше ко всему синклиту, иже бяху с нею: “Разумно да будет вам, яко волею божиею на семъ мѣсте церьков имат быти во имя пресвятыя единасущныя и животворящия и нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и святаго Духа. Еще же и град здѣ велик будет и славен, изобилен”. И по глаголах сих довольно помолися на мѣсте том и крестъ постави, иже и до нынѣ есть крестъ той»⁶⁸.

⁵⁹ ПВЛ. С. 116.

⁶⁰ Там же. С. 110.

⁶¹ См.: Пространное житие. С. 317.

⁶² ЛЕТ. С. 29.

⁶³ Пролож.2. С. 7.

⁶⁴ Сказание. С. 264.

⁶⁵ Там же. С. 361; понятие повторяется на С. 362–363.

⁶⁶ О жанре видений в агиографических текстах см.: [Прокофьев; Рыжова] и процитированную там литературу.

⁶⁷ О роли литургических произведений в установлении культа и в канонизации древнерусских святых см.: [Станчев, Йовчева, с. 17].

⁶⁸ Сказание. С. 280. Краткую версию рассказа см.: Пролож.3. С. 10. В летописных произведениях эпизод отсутствует.

В Пространном житии повторяется рассказ о видении и пророчестве, и в заключении Ольга называется «проповедницей Христовой»⁶⁹.

Подобным образом встречающиеся в текстах сведения о нетленных мощах княгини⁷⁰ и о чудесах исцеления у гроба св. Ольги⁷¹ вполне вписываются в рамки агиографической топики. В Пространном житии находим и описание благоухания тела святой княгини⁷².

4.3. Заключительная часть

Иногда в заключительной части произведений указанные выше идеи, включая детали о чудесах и о перенесении мощей в построенную Владимиром церковь св. Богородицы, приобретают еще большее значение.

В похвале Ольге, приведенной в «Повести временных лет», среди интересующих нас элементов, встречаются мотивы обновления через крещение, связанные с мотивом света метафоры и атрибуты и библейские ссылки на праведников Господних. На основании всего этого Ольга — «предътекущая хрестьяньской земли», «русское познание къ Богу, начатокъ примирению быхом», поскольку она «първое вниде въ царство небесное от Руси», ее «бо хвалять рустии сынове акы началницю».

Также читаем в Сказании: «Сия святая и блаженная великая княгиня Ольга, нареченная во святом крещении Еленой, праведно и богоугодно жизнь сию преповоди, его же ради сторичное и мздовоздаяние от бога восприят, достойно праведным царство небесное и нетлѣнное блаженство»⁷³.

А в Каноне находим и повторение мотива ума и мужского подвига княгини: «Се бо Ольга животное древо крестъ Христовъ въ Руси въдружи, имже всѣм вѣрным рай отверзся. Мы же тобою хвалящися, яко тебе ради Бога познахом, съ мученикы ты възвеличим. Жену по естеству ты нарицаем, но паче силы женскы подвижася, тмы свое злато истыжила еси, да Христовъ законъ учителя приобрящеши, имже просвѣти землю Рускую. Мы же тобою хвалящися, яко тебе ради Бога познахом, с Володимером ты величаем. / Законоположнице святая ученица вѣрѣ христовѣ»⁷⁴.

5. Заключение

Произведения о св. Ольге ясно демонстрируют постепенный пересмотр событий под влиянием основного подвига княгини, то есть обращения в христианство. На основе исследованного материала можно выделить следующие основные мотивы переосмысления образа княгини: элементы, относящиеся к символам крещения, то есть ссылки и рассуждения, связанные с понятиями омовения в купели, одевания в новую одежду и освящения; параллель с императрицей Еленой, выступающей в качестве идеала христианской правительницы; и, наконец, агиографическая богородичная типология.

Приведенные примеры показывают, что летописные повествования содержат в себе ключи к переосмыслению представления образа Ольги. Тем не менее в этих произведениях указанные элементы еще не вполне развиты и Ольга еще не называется «святой», определяется «праведницей», а не «преподобной». В проложных житиях и в пространных текстах (Сказании из Степенной книги и Житии Дмитрия Ростовского) рассказ об Ольге постепенно приобретает типичную для агиографических произведений структуру, включая видения, пророчества и

⁶⁹ Пространное житие. Л. 317 об.

⁷⁰ См.: Пролож.2. С. 8; Пролож.3. С. 11; Пролож.4. С. 13; Сказание. С. 286; Пространное житие. Л. 318 об.

⁷¹ См.: Пролож.3. С. 11; Пролож.4. С. 13; Сказание. С. 286; Пространное житие. Л. 318 об.

⁷² См.: Пространное житие. Л. 318 об.

⁷³ Сказание. С. 286.

⁷⁴ Канон. С. 93.

чудеса. В этом процессе важную роль играют гимнографические литургические произведения, Канон и Служба, служащие доказательством ранней⁷⁵ трансформации восприятия личности княгини и ее деятельности, и возрастающая в этом контексте значимость установления культа Ольги. В то же время нельзя не признавать релевантности текстов других жанров в процессе эволюции способа подачи информации о княгине Ольге с целью ее идеализации и, вероятно, ее канонизации. Начиная с проложных житий эпизод крещения становится основой, вокруг которой развивается повествование. В пространных житиях необходимость узаконить варяжскую власть, желание прославить персонаж как первую христианскую княгиню Древней Руси, стремление возвеличить социально-культурную роль княжеских представителей и, вероятно, желание подчеркнуть независимость Русской церкви приводят древнерусских книжников к созданию образа благоверной княгини, в котором сочетаются ум Ольги с ее следованием божественной премудрости и благодати, ее мужество и властность со справедливостью и великодушием.

Аналитическое исследование отдельных сочинений служит дальнейшему углубленному изучению возможных родственных связей между текстами и влияний одних на другие, в том числе текстов различных жанров, а также выделение значимых элементов в них с уточнением функций отдельных мотивов в различных литературных контекстах.

Тем не менее, на основании всего сказанного полагаем возможным утверждать, что созданный в произведениях в честь Ольги макротекст гармонично вписывает образ княгини в ряд святых христианских князей.

Источники

Акафист — Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице // Библиотека святоотеческой литературы. URL: http://www.orthlib.info/Triodion/27_Akathist-to-the-Theotokos_akafbogor.pdf (дата обращения: 15.04.2018).

Канон — Канон «на успение преподобныя княгини Ольги, бабы Владимеря» Кирилла Туровского // Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 88–94.

КПП — «Слово о том, како крестися Ольга», открывающее Киево-Печерский патерик в «Феодосьевской» редакции, по рукописи: РНБ. Соф. № 1365, Патерик Печерский (Феодосьевской редакции), XIV–XV в. Л. 136–137 об. [Электронный ресурс]. URL: <http://studopedia.org/7-73593.html> (дата обращения: 15.04.2018). Сканирование первого листа источника доступно: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tale_of_Olga%27s_baptism_\(RNB,_Sof.1365,_l.136\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tale_of_Olga%27s_baptism_(RNB,_Sof.1365,_l.136).jpg).

ЛЕТ — Летописные тексты из Патриаршей (Никоновской) летописи под 6463–6477 г. // ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 29–35.

ПВЛ — Сказание о княгине Ольге, вошедшее в состав «Повести временных лет» под 945–969 г. // БДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 82–117.

Пролож.1 — Проложное житие благоверной княгини Ольги в юго-славянских списках // Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Т. II. С. 6–7.

Пролож.2 — Проложное житие благоверной княгини Ольги в севернославянских списках // Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Т. II. С. 7–8.

Пролож.3 — Проложное житие благоверной княгини Ольги в распространенной редакции // Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Т. II. С. 8–12.

Пролож.4 — «Преставление и похвала благоверной княгини Ольги» из «Памяти» мниха Иакова // Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Т. II. С. 12–13.

⁷⁵ Как уже было указано, в рамках настоящей работы невозможно углубиться в проблематику, связанную с датировкой и авторством отдельных текстов. Необходимо уточнить, что и Канон, и Служба содержат ясное указание на авторство Кирилла. Тем не менее этот вопрос требует прояснения, поскольку древнейшие списки обоих произведений датируются периодом не ранее чем через сто лет после его смерти. На наш взгляд, с учетом того что современные исследования сходятся в том, что канонизация Ольги произошла в домонгольскую эпоху [Васильев; Лаушкин; Назаренко], мнение, что именно Кириллу было поручено составление двух произведений, служащих прославлению памяти Ольги, звучит очень убедительно.

- Пространное житие — «Житие и усение святой преподобной великой княгини Российской Ольги» // Димитрий (Туптало), митр. Ростовский. Книга житий святых (на славянском языке). Киево-Печерская лавра, 1764. Кн. 4. (Июнь, июль, август). 11 июля. Л. 312 об.—319 об.
- СЗБ — «Слово о законе и благодати митрополита Илариона» / Подготовка текста и комментарии А. М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко // БЛДР. СПб., 1997. Т. I (XI—XII в.) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4868> (дата обращения: 15.04.2018).
- Сказание — Сказание о княгине Ольге, вошедшее в состав «Степенной книги царского родословия» // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 248—287.
- Служба — Светлова О. В. Служба на память княгини Ольги по старейшему списку // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2015. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014—2015. С. 333—367 (Служба на с. 347—365).
- СРБ — «Слово на Рождество св. Богородицы» // ВМЧ. Сентябрь. 1—15. СПб., 1868. Стб. 363—379.

Литература

- Ариньон Ж.-П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // ВВ. М., 1980. Т. XLI. С. 113—124.
- Бедина Н. Н. Образ святой княгини Ольги в древнерусской книжной традиции (XII—XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 8—12.
- Васильев В. История канонизация русских святых // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 3.
- Гардзанти М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРА. СПб., 2008. Т. 58. С. 28—40.
- Гардзанти М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014.
- Грихин В. А. Древнейшие памятники русской письменности о княгине Ольге // Герменевтика древнерусской литературы X—XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 54—74.
- Запольская Н. Н. Библейские цитаты в текстах конфессиональной культуры: семантика, функции, адаптация // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 482—492.
- Кусков В. В. Идеальные правители Древней Руси // Древнерусские княжеские жития. М., 2001. С. 7—22.
- Лаушкин А. В. К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время // ТОДРА. СПб., 2017. Т. 63. С. 45—57.
- Литаврин Г. Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 173—183. [Литаврин, 1981a]
- Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: проблема источников // Византийский временник. 1981. Т. XLII. С. 35—48. [Литаврин, 1981b]
- Литаврин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки. М., 1982. С. 71—92.
- Литаврин Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 2001. С. 429—437.
- Лоевская М. М. Русская агиография в культурном-историческом контексте переходных эпох. Дисс. ... доктора культурологии. М., 2005.
- Лопарев Х. М. Греческие жития VIII и IX веков. Пг., 1914. Т. I: Современные жития.
- Малкова Н. А. Святая княгиня Ольга как агиологический тип // Религиоведение. 2011. № 1. С. 25—31.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.
- Осокина Е. А. Древнейшие тексты, посвященные святой княгине Ольге // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2000. № 3. С. 176—182.
- Острогорский Г. Византия и киевская княгиня Ольга // To Honor Roman Jakobson: essays on the occasion of his seventieth birthday, 11 October 1966. The Hague, Paris, 1967. Т. II. P. 1458—1473.
- Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Полякова С. В. Византийские легенды. Л., 1972.
- Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. М., 1964. Т. 231. С. 35—56.
- Руди Т. Р. Праведные жены Древней Руси: (к вопросу о типологии святости) // Русская литература. 2001. № 3. С. 84—92.

- Руди Т. Р. Средневековая агиографическая топка (принцип *Imitatio* и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор. XIII Международный съезд славистов (Любляна, 2003). Доклады российской делегации. М., 2003. С. 40–55. [Руди, 2003a]
- Руди Т. Р. *Imitatio Christi* // Die Welt der Slaven. München, 2003. Bd. 48. S. 123–134. [Руди, 2003б]
- Руди Т. Р. «*Imitatio angeli*» (проблемы типологии агиографической топки) // Русская литература. 2003. № 2. С. 48–59. [Руди, 2003в]
- Руди Т. Р. Топка русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Под ред. С. А. Семьячко и Т. Р. Руди. СПб., 2005. С. 59–101.
- Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРА. СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500.
- Руди Т. Р. О топике житий юродивых // ТОДРА. СПб., 2007. Т. 58. С. 443–484.
- Руди Т. Р. Преподобный и юродивый (о житийной топике и типологии святости) // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): Сб. статей, посвященный 45-летию научно-педагогической деятельности Елены Ивановны Дергачевой-Скоп / Сост. и отв. ред.: О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. (Серия «Книга и литература»). С. 497–513.
- Рыжова Е. А. Жанр видения в севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Под ред. С. А. Семьячко и Т. Р. Руди. СПб., 2005. С. 160–194.
- Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003.
- Светлова О. В. Содержательные разночтения избранных песнопений службы святой равноапостольной княгине Ольге // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. № 9. С. 118–125.
- Светлова О. В. Анализ содержательных разночтений избранных песнопений церковной службы святой княгине Ольге // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11. Вып. 1. С. 47–57.
- Светлова О. В. Служба на память княгини Ольги по старейшему списку // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2014–2015). М., 2015. С. 333–367.
- Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
- Станчев К., Йовчева М. (под ред.) Литургическая поэзия в древнеславянском литературном пространстве // La poesia liturgica slava antica – Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Международный съезд славистов (Любляна, 15–21 августа 2003 года). Тематический блок № 14. Рим–София, 2003. С. 5–22.
- Творогов О. В. Житие Богородицы // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 137–138.
- Турилов А. А., Чернецов А. В. Деяния княгини Ольги в «Псковском Кронике» 1689 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 57–75.
- Усачев А. С. Эволюция рассказа о происхождении княгини Ольги в русской книжности середины XVI в. // Псков в российской и европейской истории: международная научная конференция: в 2 т. М., 2003. Т. 2 / Отв. ред. В. В. Седов. С. 329–335.
- Усачев А. С. К проблеме святости княжеского рода в Степенной книге // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): тезисы докладов. М., 2004. С. 90–94.
- Усачев А. С. Особенности представления древнерусских князей в Степенной книге и специфика композиции памятника (на материале жизнеописаний кн. Владимира Святославича, Александра Ярославича и Дмитрия Ивановича) // Восточная Европа в Древности и Средневековье: политические институты и верховная власть: XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 16–18 апр. 2007 г.: материалы конференции. М., 2007. С. 278–284.
- Усачев А. С. Образ правителя в Степенной книге // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 116–118. [Усачев, 2009а]
- Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.–СПб., 2009. [Усачев, 2009б]
- Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998.
- Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Федотова М. А. Житие княгини Ольги в Четьих Минях Дмитрия Ростовского. Псков, 2011. С. 362–383.

- Чекова И. Летописная похвала княгине Ольге в Повести временных лет: поэтика и текстологические догадки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 92–103.
- Brzozowska Z. Święci księżęta Rusi Olga i Włodzimierz // Vade Nobiscum. 2010. № 4. P. 173–181.
- Brzozowska Z. The Ideal Christian Rulers – Sts. Constantine and Helena in the Spiritual and Political Culture of Kievan Russia // Sveti car Konstantin i hrišćanstvo / Ed. D. Bojović. Nisz, 2013. Vol. 1. P. 497–508.
- Garzaniti M. L'agiografia slavo-ecclesiastica nel contesto della liturgia bizantina. Sacra scrittura e liturgia nella composizione della Vita di Paraskeva // Contributi italiani al XII congresso internazionale degli slavisti (Cracovia, 26 agosto – 3 settembre 1998). Napoli, 1998. P. 87–129.
- Garzaniti M. Costantino il Grande a Mosca dai Rjurikidi alla dinastia dei Romanov // Enciclopedia Costantiniana Treccani 2013. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/costantino-il-grande-a-mosca-dai-rjurikidi-alla-dinastia-dei-romanov_%28Enciclopedia-Costantiniana%29/ (дата обращения: 15.04.2018).
- Garzaniti M., Romoli F. Le funzioni delle citazioni bibliche nella letteratura della Slavia ortodossa // XV Congresso Internazionale degli Slavisti (Minsk, 20–27 agosto 2013). Firenze, 2013. P. 121–155.
- Cunningham M. B. The Meeting of the Old and the New: the Typology of Mary the Theotokos in Byzantine Homilies and Hymns // Studies in Church History. 2004. № 39. P. 52–62.
- Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948. (Пер. на итал.: Curtius E. R. Letteratura europea e Medio Evo latino, a cura di R. Antonelli / Trad. di Anna Luzzato e Mercurio Candela. Firenze, 1992).
- Ferro M. C. 'Il typos mariano'. Sulla topica del testo agiografico al femminile nella Rus' // Russica Romana. 2006. Vol. XIII. P. 33–52.
- Ferro M. C. Santità e agiografia al femminile. Forme letterarie, tipologie e modelli nel mondo slavo orientale (X–XVII sec.). Firenze, 2010.
- Ferro M. C. Sull'immagine letteraria di santa Ol'ga di Kiev. Il *Kanon i stichiry na pamjat' prepodobnoj knjagini Ol'gi, baby Vladimira* di Kirill Turovskij // Knjzhevna Istorija. 2017(163). Vol. XLIX. P. 239–364. [Ferro, 2017a]
- Ferro M.C. L'immagine letteraria di santa Ol'ga di Kiev nelle Vite brevi per il prolog // Bizantinistica. Rivista di studi bizantini e slavi. Seconda serieю 2017. Vol. XVIII. P. 201–221. [Ferro, 2017b]
- Ferro M.C. Sulle modalità di rappresentazione di Ol'ga di Kiev. Il racconto della *Povest' vremennykh let* // Studi Slavistici. 2018/2. Vol. XVI (в печати).
- Hannick Ch. The Theotokos in Byzantine Hymnography: Typology and Allegory // Images of the Mother of God. Perceptions of the Theotokos in Byzantium / Ed. M. Vassilaki. Aldershot–Burlington, 2005. P. 69–76.
- Lenhoff G. Medieval Russian Saints' Lives in Socio-Cultural Perspective // Russian Literature. 1996. T. XXXIX (Special Issue: Old Russian Literature). P. 205–222.
- Mertel H. Die biographische Form der griechischen Legenden. Diss. München, 1909.
- Naumow A. Средневековая литература и богослужение // Ricerche Slavistiche. 1995. XLII. P. 49–59.
- Naumow A. Idea – immagine – testo // Studi sulla letteratura slavo-ecclesiastica, a cura di K. Stančev. Roma, 2004.
- Obolensky D. Russia and Byzantium in the Mid-Tenth Century: The Problem of the Baptism of Princess Olga // Greek Orthodox Theological Review. 1983. Vol. XXVIII/2. P. 157–171.
- Picchio R. The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. I. P. 1–31.
- Pljuchanova M. B. Il culto di Costantino il Grande nella Russia antica // Bizantinistica. 2004. № 6. P. 191–215.
- Pljuchanova M. B. La figura di Costantino fra Russia e Italia, fra slavistica e comparatistica // Braschi, Francesco (a cura di). La figura di Costantino imperatore e l'ideologia imperiale nella storia culturale, religiosa e civile dei paesi slavi. Milano, 2013. (Slavica Ambrosiana. 2013. № 4). P. 15–36.
- Poppe A. The political background to the baptism of Rus: Byzantine-Russian relations between 986–989 // Dumbarton Oaks Papers. 1976. № XXX. P. 197–242.
- Poppe A. Once Again concerning the Baptism of Olga, Archontissa of Rus' // Dumbarton Oaks Papers. 1992. № XLVI. (Homo Byzantinus: papers in honor of Alexander Kazhdan). P. 271–277.